

АРТУР
КОНАН ДОЙЛ

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР
И ДРУГИЕ
УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПРОФЕССОРА
ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Д62

Серия «Классика мировой фантастики»

Вступительная статья *Филиппа Бастиана*
Переводы *Н. Волжиной, Н. Вольпин, Ф. Бастиана*

Иллюстрация на обложку *Сергея Красовского*

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Дойл, Артур Конан

Д62 Затерянный мир и другие удивительные приключения профессора Челленджера / Артур Конан Дойл.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 412, [2] с.—(Классика мировой фантастики).

ISBN 978-5-17-110748-2

К концу XIX века многие писатели обратились к набиравшему популярность жанру научной фантастики, и Артур Конан Дойл не стал исключением. Автор знаменитого Шерлока Холмса создал еще одного знакового персонажа — профессора Джорджа Эдварда Челленджера, главного героя нескольких произведений и прежде всего романа «Затерянный мир». «Это самая мальчишеская книга из всех, какие я когда-либо создал», — утверждал писатель. Ныне «Затерянный мир» не менее популярен, чем истории о знаменитом сыщике. Приключения неукротимого профессора Челленджера до сих пор будоражат воображение читателей.

© Ф. Бастиан, вступ. ст., 2018

© С. Красовский, ил., 2018

© Н. Волжина, перевод, наследники, 2011

© Н. Вольпин, перевод, наследники, 2011

© Ф. Бастиан, перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЕЩЕ ОДИН ГЕРОЙ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА

Артур Конан Дойл известен прежде всего своими историями о Шерлоке Холмсе. Они не только определили его литературную карьеру, но и задали направление развитию детективного жанра. Однако писатель создал еще одного знакового персонажа — профессора Джорджа Эдварда Челленджера, главного героя нескольких научно-фантастических произведений, ознаменовавших завершение Викторианской эпохи в Англии.

Родившийся в Шотландии в 1859 году, Дойл с раннего детства проявлял острый интерес к литературе. Писать он начал в пять лет, чем привел в восторг мать, впоследствии неизменно поддерживавшую сына в творчестве. Когда мальчику исполнилось восемь, его отправили подальше от семейных проблем в Англию учиться в частную школу. Там он еще больше погрузился в литературный мир. Любимыми авторами юного Дойла, несомненно, оказавшими влияние на его творчество, были Вальтер Скотт, Эдгар Аллан По и Жюль Верн.

Окончив школу, Дойл вернулся в Шотландию и поступил в Эдинбургский университет, где изучал медицину. В сво-

бодное время он писал короткие рассказы, один из которых, «Тайну Сассахской долины», продал в «Эдинбургский журнал Чэмберса» в 1878 году. Это была его первая профессиональная публикация. После университета Дойл провел год на борту китобойного судна судовым врачом, но в 1882 году вернулся на сушу и занялся медицинской практикой. Между визитами к пациентам он продолжал писать.

В 1886 году Дойл написал «Этюд в розовых тонах», дав жизнь своему самому знаменитому герою — сыщику Шерлоку Холмсу. Созданный под впечатлением от детективов Эдгара По, тот стал таким популярным, что писатель, устав от реноме «автора только Шерлока Холмса», в конце концов в одном из своих рассказов убил его. Правда, позже ему пришлось знаменитого сыщика возродить — по требованию читателей.

Усталость Дойла от Холмса была не случайной. К концу XIX века все викторианское общество нуждалось в отдушины. Оно стремилось вырваться из привычных границ «старой доброй Англии», и научное исследование мира оказалось хорошим источником для литературных идей. Шедевры Жюль Верна о новейших для того времени технологиях и путешествиях за пределы и внутрь Земли уже давно сверкали путеводными звездами, следуя за которыми, такие авторы как Герберт Уэллс (с которым Дойл состоял в переписке) начали публиковать свои научно-фантастические романы.

В 1910 году, чувствуя достижение Северного полюса американским исследователем Робертом Пири, Дойл заметил: «У писателей-романистов всегда есть что-то вроде обиды на исследователей». Возможно, именно это событие вдохновило законодателя детективного жанра на создание нового героя — профессора Челленджера, который даже по своему характеру, агрессивный и часто просто грубый, был полной противоположностью сдержанному и внешне невозмутимому Холмсу.

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Как и у знаменитого сыщика, чьим прототипом является доктор Белл, один из профессоров Медицинской школы Эдинбургского университета, у Челленджера тоже имеются реальные прообразы. Один из них — профессор физиологии Уильям Ратерфорд, читавший лекции в Эдинбургском университете, когда Дойл изучал медицину, другой — друг писателя исследователь Перси Фосетт. Именно Фосетт рассказывал Дойлу о невероятных путешествиях по Амазонским джунглям, и многое из рассказанного вошло в роман, герои которого находят неизвестную долину, населенную динозаврами и людьми.

Дойл в одном из писем к матери как-то заметил, что «Затерянный мир» — это самая мальчишеская из всех его книг. Роман, написанный в 1911 году, был принят с большим энтузиазмом издателем журнала «Стрэнд», объявившим его лучшим сериалом, который он когда-либо публиковал. Книгой роман вышел в 1912 году. Она сопровождалась фотографиями Дойла, одетого как профессор Челленджер, и была благоклонно встречена читателями.

В октябре того же 1912 года отдельной книгой вышла другая сериальная история о профессоре Челленджере. В «Отравленном поясе» героев «Затерянного мира» вызвали к нему в дом с заданием принести кислородный баллон. По прибытии им поведали, что Земля проходит сквозь пояс межзвездного газа, который должен убить всех, кого застанет врасплох. Так Дойл перешел от научных приключений к постапокалиптике.

Третья книга о профессоре Челленджере, «Земля тумана», была опубликована значительно позже — в 1926 году. Она отражает интерес Дойла к спиритуализму. В этом романе писатель отказался от ранее созданного им научно-фантастического мира. Но в двух последующих историях о профессоре Челленджере вернулся в него. В 1928 году появилась повесть «Когда Земля вскрикнула», в которой Челленджер

проникает сквозь земную кору, а в 1929-м — рассказ «Дезинтеграционная машина», в котором описан невероятный механизм, способный разрушать и воссоздавать любые объекты.

Артур Конан Дойл вел интересную и разнообразную жизнь. Посвященный в рыцари в 1902 году за общественно-политическую деятельность, он занимался активной пропагандой спорта и спиритуализма. Для своих современников он был прежде всего создателем знаменитого Шерлока Холмса, хоть и «барахтался», по мнению тогдашних критиков, в исторической и научно-фантастической литературе. Но спустя столетие роман «Затерянный мир» стал не менее популярен, чем истории о лондонском сыщике. Приключения неукротимого профессора Челленджера все больше будоражат воображение читателя.

Филипп Бастиан

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Роман

Вот бесхитростный рассказ,
И пусть он позабавит вас —
Вас, юношей и ветеранов,
Кому стареть пока что рано.

Глава I

ЧЕЛОВЕК — САМ ТВОРЕЦ СВОЕЙ СЛАВЫ

Мистер Хангертон, отец моей Глэдис, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда, весьма добродушного, но занятого исключительно собственной особой. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так только крайнее нежелание обзавестись глуповатым тестем. Я убежден, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности своих рассуждений о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным знатоком.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости серебра, обесценивании денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуется немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он слабеньким, но преисполненным ужаса голосом.— Что тогда будет при существующем порядке вещей?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон, недовольный моим

ответом, вскочил с кресла, отчитал меня за мое всегдашнее легкомыслие, лишаящее его возможности обсуждать со мной серьезные вопросы, и выбежал из комнаты переодеваться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот вечер я чувствовал себя как солдат, ожидающий сигнала к атаке, когда надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и ее гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня! Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести ее за пределы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортеров «Дейли газетт», — чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. Мне претит, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком смело. Это не делает чести мужчине. Если возникает чувство, ему должна сопутствовать скромность, настоятельность — наследие тех суровых времен, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку. Не дерзкий взгляд, а уклончивый, не бойкие ответы, а срывающийся голос, опущенная долу головка — вот истинные приметы страсти. Не смотря на свою молодость, я знал это, а может быть, такое знание досталось мне от моих далеких предков и стало тем, что мы называем инстинктом.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так привлекают нас в женщине. Некоторые считали ее холодной и черствой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — все это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать ее любовь. Но будь что будет —

довольно неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от нее ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного брата!

Вот какие мысли бродили у меня в голове, и я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд темных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть все будет по-старому, так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе.

— Почему вы догадались? — Удивление мое было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Неужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд! Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринужденно говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чем дело... столь же непринужденно я мог бы беседовать... ну, скажем, с начальником железнодорожной станции.— Сам не понимаю, откуда он взялся, этот начальник, но факт остается фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих.— Нет, Глэдис, я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу...

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Нэд, вы все испортили! — сказала она.— Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит *это*. Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь не я первый *это* придумал! — взмолился я. — Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, все бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить.

— Тогда надо ждать, когда любовь придет сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грации и снисхождения было в этом жесте! — и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь и давайте все обсудим. Ну, не буду, не буду, только съядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне ее сомнение было дороже полного доверия. Как примитивно и глупо выглядит все это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черед вскочить с места.

— Не пугайтесь, я говорю о своем идеале, — пояснила Глэдис, со смехом глядя на мое изменившееся лицо. — В жизни мне такой человек еще не попадался.

— Расскажите же, какой он! Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне не хватает? Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвенник, вегетарианец, аэронавт, теософ, сверхчеловек? Я согласен на все, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила ее.

— Прежде всего вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твердая, суровая и не захочет с такой готовностью приспособливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное — он человек действия, человек, который безбоязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я люблю не его самого, но его славу, потому что отсвет ее падет и на меня. Вспомните Ричарда Бертона. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она любила его. А леди Стенли? Вы помните замечательную последнюю главу из ее книги о муже? Вот перед какими мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенного тона нашей беседы, однако вовремя сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бертонами и Стенли, — сказал я. — Да и возможности такой не представляется. Мне, во всяком случае, не представилось, а я бы ею воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идет навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я еще не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек — сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но подъем

был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России, где этот смельчак и опустился. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит. Какую, наверное, она возбуждает зависть у других! Пусть же мне тоже завидуют, что у меня муж — герой!

— Ради вас я сделал бы то же самое!

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша природа, потому, что мужское начало в вас требует своего выражения. Вот, например, вы писали о взрыве на угольной шахте в Вигане. А почему вам было не спуститься туда самому и не помочь людям, которые задыхались от удушливого газа?

— Я спускался.

— Вы ничего об этом не рассказывали.

— А что тут особенного?

— Я этого не знала.— Она с интересом посмотрела на меня.— Смелый поступок!

— Мне ничего другого не оставалось. Если хочешь написать хороший очерк, надо самому побывать на месте происшествия.

— Какой прозаический мотив! Это сводит на нет всю романтику. Но все равно, я очень рада, что вы спускались в шахту.

Я не мог не поцеловать протянутой мне руки — столько грации и достоинства было в этом движении.

— Вы, наверное, считаете меня сумасбродкой, не расставшейся с девическими мечтами. Но они так реальны для меня! Я не могу не следовать им — это вошло в мою плоть и кровь. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за знаменитого человека.

— Как же может быть иначе! — воскликнул я. — Кому же и вдохновлять мужчин, как не таким женщинам! Пусть мне только представится подходящий случай, и тогда посмотрим, сумею ли я воспользоваться им. Вы говорите, что человек должен сам творить свою славу, а не ждать, когда она придет ему в руки. Да вот хотя бы Клайв! Скромный клерк, а покорила Индию! Нет, клянусь вам, я еще покажу миру, на что я способен!

Глэдис рассмеялась над вспышкой моего ирландского темперамента.

— Что ж, действуйте. У вас есть для этого все — молодость, здоровье, силы, образование, энергия. Мне стало очень грустно, когда вы начали этот разговор. А теперь я рада, что он пробудил в вас такие мысли.

— А если я...

Ее рука, словно мягкий бархат, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэр! Вы и так уже на полчаса опоздали в редакцию. У меня просто не хватало духу напомнить вам об этом. Но со временем, если вы завоюете себе место в мире, мы, может быть, возобновим наш сегодняшний разговор.

И вот почему я, такой счастливый, догонял в тот туманный ноябрьский вечер кемберуэллский трамвай, твердо решив не упускать ни одного дня в поисках великого деяния, которое будет достойно моей прекрасной дамы. Но кто мог предвидеть, какие невероятные формы примет это деяние и какими странными путями я приду к нему!

Читатель, пожалуй, скажет, что эта вводная глава не имеет никакой связи с моим повествованием, но без нее не было бы и самого повествования, ибо кто, как не человек, воодушевленный мыслью, что он сам творец своей славы, и готовый на любой подвиг, способен так решительно порвать с привычным образом жизни и пуститься наугад в окутанную таинственным сумраком страну, где его ждут великие приключения и великая награда за них!